

УДК 811.161.1'367

doi 10.17072/2073-6681-2019-1-48-58

О СИМБИОЗЕ РУССКОГО И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СИНТАКСИСЕ

Валерий Александрович Мишланов

д. филол. н., профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. vmishlanov@yandex.ru

SPIN-код: 3114-9260

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0417-8255>

ResearcherID: K-6061-2018

Статья поступила в редакцию 04.12.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Мишланов В. А. О симбиозе русского и церковнославянского в современном русском синтаксисе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 1. С. 48–58. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-48-58***Please cite this article in English as:**Mishlanov V. A. O simbioze russkogo i tserkovnoslavjanskogo v sovremennom russkom sintaksise [On the Symbiosis of the Russian and Church Slavonic Components in the Contemporary Russian Syntax]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 1, pp. 48–58. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-48-58 (In Russ.)

В статье вновь поднимается ключевой для русистики вопрос о соотношении в литературном языке генетически русского и церковнославянского. Отмечая, что проблема выявления церковнославянизмов в синтаксисе книжных стилей русского языка до сих пор не решена, автор обосновывает мнение о церковнославянской природе значительной части явлений русского полипредикативного синтаксиса. В частности, приводятся новые доводы в пользу гипотезы о том, что относительные конструкции с постпозицией придаточного предложения формируются в книжных стилях русского языка под структурным влиянием конструкций с местоимением *йже*; выдвигается предположение, что сложноподчиненные предложения с союзом *когда*, сменившим в старорусский период церковнославянский союз *ѣгда*, также являются синтаксическими кальками с церковнославянского языка; обосновывается гипотеза о церковнославянской природе деепричастных оборотов, усвоенных русским книжным языком в их исконной (таксисной) функции, что позволяет сделать вывод о церковнославянских корнях ядра функционально-семантического поля таксиса в русском литературном языке. Решая проблему происхождения средств межфразовой связи в повествовательных текстах, автор исходит из убеждения, что нарративный синтаксис книжных стилей русского языка не мог не испытывать воздействие со стороны языка славянской Библии. Обосновывается, в частности, предположение, что энклитика *же* и присоединительный союз *и* в функции межфразовых коннекторов утвердились в книжных стилях русского языка под церковнославянским влиянием. Все это позволяет сделать вывод, что полипредикативный синтаксис русского литературного языка в значительной мере сохраняет церковнославянскую основу, а следовательно, сохраняется – пусть и в трансформированном виде – ситуация славяно-русской диглоссии, характерная для всех предшествующих этапов истории русского языка.

Ключевые слова: славяно-русская диглоссия; исторический синтаксис русского языка; синтаксис сложного предложения; таксис; синтаксис текста.

1. Уже многие десятилетия не утихают споры о месте и роли церковнославянского (старославянского в истоке) компонента в русском литературном языке. Б. О. Унбегаун заметил по это-

му поводу, что «главной и, в сущности, единственно серьезной проблемой русского литературного языка, в его прошлом и в его настоящем, является соотношение в нем русской и церков-

нославянской стихий. Это специфическая проблематика русского литературного языка, которой он отличается от всех остальных славянских языков» [Унбегаун 1971: 329].

В принципе возможны три ответа на вопрос о языковой (генетической) природе книжных стилей русского языка, и все три имеют в русистике своих сторонников (см.: [Шахматов 1941: 60; Обнорский 1946: 79; Виноградов 1956: 10]).

А. А. Шахматов, как известно, пришел к своему выводу, принимая во внимание наличие в текстах книжной письменности определенного множества славянизмов, но мог сделать его и априори – опираясь на тот непреложный факт, что древнерусская книжная письменность была церковнославянской. Из 14 слоев жанровой пирамиды древнеславянской и «примыкающей к ней» древнерусской письменности, выделяемых Н. И. Толстым, лишь в двух «нижних» жанрах – в деловой и бытовой письменности... «церковнославянский язык почти отсутствовал» [Толстой 2002: 86]. Все прочие жанры либо всецело принадлежали церковнославянскому (далее – ц.-сл.) языку (тексты церковно-религиозной тематики), либо в той или иной мере открывали «доступ “простому” русскому языку», возраставшему с каждым веком [там же].

Гипотеза С.П. Обнорского не получила единой поддержки даже в советское время – слишком заметно для объективного исследователя церковнославянское наследие в русском языке. Впрочем, ее критика, по мнению Ф. П. Филина, оказалась малоаргументированной: «настоящего ее критического разбора, основанного на привлечении большого фактического материала, пока не имеется» [Филин 1972: 639]. Но столь же неосновательной представляется, на наш взгляд, и критика другой «крайней точки зрения» – Б. О. Унбегауна, по мнению которого «русский литературный язык является в своей основе старославянским (церковнославянским) не только по происхождению, но в некоторых своих сторонах (в синтаксисе и в значительной степени в лексике) остается старославянским и теперь» [там же].

Возможно, по этой причине в трудах многих ученых (Н. С. Трубецкого, В. В. Виноградова, Н. И. Толстого, Б. А. Успенского и др.) была развита «концепция симбиоза» церковнославянского и русского в книжных стилях литературного языка. Прототип такого симбиоза можно обнаружить уже в древности. «Древнерусская народность обладала тремя типами письменного языка, один из которых – восточнославянский в своей основе – обслуживал деловую переписку, другой – собственно литературный церковнославянский, т. е. русифицированный старославянский, –

потребности культа и церковно-религиозной литературы. Третий тип, по-видимому, широко совмещавший элементы главным образом живой восточнославянской народнопоэтической речи и славянизмы... применялся в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественные» [Виноградов 1956: 10].

Подчеркнем в этой связи, что элементы народного языка проникают – чем дальше, тем больше – в уже сформировавшиеся жанры, искони представленные у нас на ц.-сл. языке. Анализ лексики и синтаксиса как памятников древнейшего этапа развития русской литературы, так и произведений старорусского периода решительно свидетельствует о том, что церковнославянская составляющая является в них доминирующей.

К XVIII в., однако, языковая ситуация изменилась радикально. Церковнославянский язык, обособившись в церковно-религиозном дискурсе, стабилизировался, «закрылся» для инноваций в орфографии, грамматике и – в меньшей мере – в словарном составе. Язык же светских жанров, напротив, стал динамично развиваться и все более отдаляться от южнославянской основы.

2. Сам факт сосуществования русского и церковнославянского в книжных стилях языка сомнению не подвергался и не подвергается. Споры касаются лишь соотношения этих компонентов в лексике и грамматике русского литературного языка. «Для решения проблемы происхождения восточнославянских литературных языков нужны большие исследования с привлечением данных как письменности на протяжении всей ее истории, так и устных разновидностей речи с более или менее точными определениями, что считать церковнославянизмами на всех уровнях языка и каков был их удельный вес в разные исторические эпохи как в отдельных жанрах письменности, так и в языке обиходном» [Филин 1972: 639].

Если относительно множества слов не возникает сомнений в их старославянском происхождении, то в области синтаксиса литературного русского языка церковнославянское наследие не столь очевидно. А между тем вряд ли можно сомневаться, что и в синтаксической системе русского языка церковнославянский компонент также занимает существенное место. Анализ синтаксических конструкций, представленных в древнерусских и старорусских текстах различных жанров, показывает, что ц.-сл. корни имеют гораздо больше синтаксических моделей, чем мы могли бы допустить, опираясь лишь на какие-то видимые приметы.

Можно предположить, что строение простого предложения в той или иной мере отражает церковнославянское влияние, однако надежно обос-

новать это, отделив специфически старославянское от русского или общеславянского, очевидно, весьма непросто, если вообще возможно. Полагаю поэтому, что для решения проблемы ц.-сл. влияния в синтаксисе русского литературного языка необходимо прежде всего исследовать структуру и семантику полипредикативных конструкций и особенности синтаксиса текста.

Считается, например, что конструкции сложноподчиненного (СПП) предложения с союзом *когда*, сменившим в XVIII в. ц.-сл. союзы *ѣгда*, *внегда*, являются уже собственно русскими [Филин 1981: 68]. Так ли это?

В старославянском языке, как известно, система гипотактических показателей (союзов и относительных слов) формировалась на базе т. н. I-местоимений (*ѣже*, *ѣликъ ѡкъ*, *понѣже*, *ѣгда* и др.). K-местоимения (*чтѡ*, *ктѡ*, *какъ*, *коликъ*, *когда* и т. п.)¹ использовались либо в первичной функции (вопросительно-неопределенной), либо в составе изъяснительных конструкций с косвенным вопросом. Совершенно так же распределены K- и I-местоимения и в гипотактической системе ц.-сл. языка. В частности, в роли временного союза и относительного наречия (т. е. показателя подчинительной связи, соотнесенного с сущ. временной семантики) всегда используется скрепа I-местоименного происхождения, как правило, *ѣгда*, в функции вопросительно-неопределенной или в роли изъяснительного союзного слова – наречие *когда*.

Русский гипотаксис, как известно, формируется на базе K-местоимений, а потому квалификация временных конструкций с союзом *когда* как собственно русских, казалось бы, не должна вызывать возражений. И все же многие факты, представленные в древнерусских текстах и в современных говорах, дают определенные основания для вывода о том, что СПП с союзом *когда* являются синтаксическими кальками с ц.-сл. языка. Судя по всему, союз *ѣгда* был заменен в этой конструкции соответствующим K-словом. Произошло это, очевидно, не позднее конца XVII в., когда ускорились, по отмеченным выше причинам, процессы сближения восточнославянского и церковнославянского языковых потоков. Временной союз *когда* (не наречие) следует рассматривать, таким образом, одновременно как русский и церковнославянский.

В обоснование этого предположения обратим внимание на то, что общеславянское *къгда* в древнерусском, как и в старославянском, употреблялось обычно в кванторной функции – вопросительного или неопределенного наречия; в союзной же (таксисной) функции до конца

XVII в. оно встречается редко [Историческая грамматика 1979: 190]. По данным «Частотного словаря второй пол. XVI–нач. XVII века» А. А. Грузберга, *ѣгда* значительно превосходит частотой употребления наречие *когда* (в исследованных автором памятниках частота этих слов 452 и 43 соответственно, при том что в роли временного наречия *ѣгда* не употреблялось) [Грузберг 1974: 12, 25]. Добавим, что в этой функции использовался еще ряд союзов, восходящих к I-местоимениям – *ѣгда*, *внегда*, *ѡкъ*, *ѡкоже*, *дондеже*, *донележе* и др.

3. История временных СПП может быть рассмотрена как часть общего процесса развития функционально-семантической категории таксиса в русском языке². Центр поля таксиса современного русского языка (его книжных стилей), помимо временных СПП с союзами *когда*, *до того как*, *после того как* (не успел..., как, стоило..., как... и др.), образуют, как известно, причастные и деепричастные конструкции, формальные особенности которых не оставляют сомнений в их церковнославянской природе.

Анализ синтаксических конструкций с действительными причастиями в русском ц.-сл. языке (копирующем в этом отношении синтаксис старославянских текстов) дает все основания для вывода о таксисной функции именных причастий, согласованных с подлежащим или дательным субъекта (если основное сказуемое представлено инфинитивом); ср.: *И востѡ [расслабленный] ѡбѣе, и взѣмъ ѡдръ, ѣзыде предъ всѣми: ѡкъ дивѣтисѡ всѣмъ ѣ славити вѣа, глаголющымъ: ѡкъ николиже такъ видѣхомъ* (Мк 2, 12), где причастие прош. вр. *взѣмъ* (согласованно с опущенным подлежащим *ѡнъ*) передает действие, предшествующее действию основного сказуемого (*ѣзыде*), а причастие наст. вр. *глаголющымъ* (в унифицированной форме дат. п. мн. ч., согласованное с дат. субъекта *всѣмъ* при независимом инфинитиве *славити*) выражает значение одновременности.

Анализируя предложения с предикативными причастиями, А. А. Потебня обратил внимание на то, что в них между оборотом с причастием и предикативной единицей со спрягаемым глаголом нередко ставился сочинительный союз; ср.: *Примъ ѣсъ хлѣбъ и благословѣъ, и прѣломи* (Остр. Ев. Мт. 26, 26) (в греч., замечает Потебня, между аппозитивным причастием и глаголом союза нет): *И се кдинъ отъ сщнихъ съ Исхъсьмъ, простъръ ржжъ, и изблѣче ножъ свои и ударъ раба архiereова, и зрѣза кмъ зхо* (Мт. 26, 51). При этом в случаях с наст. вр. аппозитивного причастия предложения с соч. союзами единич-

ны. Ученый делает вывод о таксисной функции причастия, подчеркиваемой употреблением союза: «Если позволить себе заключение от большинства случаев и противопоставить употреблению союзов *и, а, та* после причастия аппозит. прошедшего то наблюдение, что такого союза обыкновенно не бывает после прич. настоящего... то можно бы подумать, что не только частицы *та, также* в вышеприведенных примерах, но и част. *и, а* в *вставка* и *рече* усиливают отношение последовательности во времени, вытекающее уже из времени причастия: *вставши, потом сказал*» [Потебня 1958: 194, 195].

Стоит в связи с этим подчеркнуть, что предложения с соч. союзом между предикативным причастием и сказуемым встречаются в целом значительно реже, чем аналогичные конструкции без союза. Кроме того, отмеченная А. А. Потебней бóльшая синтаксическая самостоятельность аппозитивного причастия в сравнении с современным русским деепричастием вовсе не предполагает качественных функциональных различий между ними и вряд ли должна свидетельствовать о «полной несостоятельности мнения, что древнейшее причастие и современное деепричастие выполняют в предложении однородные функции» [Борковский, Кузнецов 1963: 350].

Сопоставление текстов различных жанров современного русского языка со всей очевидностью показывает, что деепричастия, совпадающие с ц.-сл. причастиями, отсутствуют в городском просторечии, но весьма употребительны в книжных стилях литературного языка (в том числе в языке художественной литературы). Так, совершенно не свойственны деепричастные обороты языку сказов Павла Бажова (см.: [Мишланов 2003]), отсутствуют они и в диалектных текстах (из более чем 120 таксисных пар, обнаруженных в сборнике текстов «Русское устье», мы не нашли ни одного деепричастия – [Русское устье 2004]).

Собственно русские образования прош. вр. типа *сумевши, сделавши*, восходящие к формам им. п. ед. ч. ж. р. (или к более частотной форме им. п. мн. ч. для м. р. с окончанием *-е* – в результате возможного смещения заударных окончаний), функционируют ныне в живой русской речи как формы прош. вр. (в основном в перфектном значении) [Шапиро 1953: 168, 169; Кузьмина, Немченко 1971: 16–220], в том числе как «предикативный атрибут» при глаголах движения (*Он придет уставши; Пришли все промокли; Сын сделался очень выпивши*), либо как обстоятельства (*Обнявши на горки лезем*). Формы на *-я / -учи* (*принеся, знаячи*) в диалектах встречаются значительно реже, чем формы прош. времени на *-ши*, причем преимущественно за пределами тех

ареалов, где регулярно используются формы на *-ши* [Кузьмина, Немченко 1971: 253].

Кое-где по говорам застывшие формы им. п. ед. ч. м. р. на *-я* (исконные – *ходя, ловя*, – или образованные по аналогии – *неся, принеся* (вм. старых *несы > неса, принесъ*), естественно, сохраняются. Причастия на *-я* в говорах в сочетании со спрягаемыми формами гл. *быть* используются как аналитические формы времен (ср.: *Лавка была затваря; Нончи не будет сельмах атваря*); в других контекстах формы на *-я / -учи* близки по функциям к обстоятельствам (*Не топя печку молотили; Береза прислоня к земле стоит; Она его [глаз] держит зажмуря*); впрочем, изредка собственно русские формы на *-учи* встречаются и в таксисной функции, ср.: *Устала до смерти в бане моючи; Ногу дасадил гряды копаючи* (все примеры из работы: [Кузьмина, Немченко 1971]).

Итак, учитывая тот факт, что в древних текстах, представляющих живую восточнославянскую речь, а также в современной разговорной речи и в диалектах формы, восходящие к именным причастиям, неупотребительны, вполне обоснованной следует считать гипотезу о церковнославянской природе конструкций с деепричастиями, усвоенных русским литературным языком в их исконной (таксисной) функции. Если, далее, принять во внимание, что СПП с союзом *когда* также генетически связаны с ц.-сл. конструкциями с *ѣгда*, вполне закономерным будет вывод о церковнославянском происхождении ядра функционально-семантического поля таксиса в русском литературном языке.

4. В историческом синтаксисе общепризнанным является положение о восточнославянской природе всех относительных конструкций, поскольку в роли гипотактических показателей здесь используются только К-местоимения. Принято считать, что древнейшими являются конструкции с препозитивными придаточными вида *который + суц. ... тотъ + суц. (А которал села покуплена при князи при Александрѣ... на тѣхъ селѣхъ кѣны имати ѿ истьца* – [Грамоты Великого Новгорода и Пскова 1949: 50]). Но в текстах церковно-книжного типа господствуют союзные слова I-местоименного происхождения (*иже, еликъ* и др.).

По поводу происхождения относительных К-местоимений единства во взглядах нет: одни исследователи связывают их с вопросительными местоимениями, другие – с неопределенными. Если, однако, сложные предложения (СП) с относительными придаточными развиваются из паратактических конструкций, в которых употребляются К-местоимения, то семантически

(функционально) мотивированными могут быть только неопределенные местоимения (ср. пример из Смоленской грамоты 1229 г.: *Которы рѣсинъ или латинескыи имьть татъ. надъ тѣмъ емѣ своа бола* [Обнорский, Бархударов 1952: 48], где К-местоимение имеет первичное значение неопределенности и вся конструкция должна быть расценена как бессоюзная с условным отношением).

По подсчетам исследователей, относительные конструкции с *который* в старорусских текстах встречаются значительно реже, чем в старобелорусских и староукраинских. Это объясняется не только большей употребительностью в старорусском языке относительного местоимения *что*, но и тем, что более трети определительных придаточных вводилось ц.-сл. *иже* [Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков 1973: 33]. Добавим, что конструкции с К-местоимениями были свойственны памятникам деловой письменности, тогда как в текстах жанров, тяготеющих к церковнославянской традиции, преобладают конструкции с *иже*.

Общепризнано, что относительные местоимения, развившиеся из указательных (типа слав. *иже* или нем. *der*) приобрели гипотактические свойства на базе своей исконной анафорической функции. При этом придаточные с такими гипотактическими показателями «по самой своей сути должны были первоначально следовать за главным, а не предшествовать ему» [Корш 1877: 22, 24]. Собственно русские относительные СПП с препозитивным придаточным подверглись в ходе эволюции значительным структурным изменениям, в результате которых определяемое существительное из придаточной части было устранено, а придаточное закономерно переместилось в интерпозицию. Существенно, однако, что построения с препозицией придаточного в старорусских текстах не книжных жанров совершенно обычны. Определяемое существительное в таких конструкциях вполне ожидаемо повторяется при К-слове (независимо от того, имеется оно во второй части СПП или нет). Препозитивные конструкции без определяемого существительного в придаточном в старорусских памятниках единичны; ср.: *И того же числа которои привезли в платеж... и тот привозной хлѣбъ я съсыпать не дал; Да приѣжжал з Балахны Федор Ляпин и сказывал которы насад в подряде на Балахнѣ и тѣхъ плотников записали на Воронеж* [Грамотки XVII – нач. XVIII века 1969: № 421, 353].

Логично было бы предположить, что конструкции с опущенным определяемым существительным в препозитивной части заменяются типичными для современного литературного

языка предложениями с постпозитивными (относительно определяемого существительного главной части) придаточными (ср.: *И тот привозной хлѣбъ, которой того же числа привезли в платеж, я съсыпать не дал*) по той очевидной причине, что пропуск существительного при относительном местоимении затрудняет поиск антецедента. Однако с учетом отмеченного выше обстоятельства (что СПП с препозитивным придаточным без определяемого существительного в старорусских памятниках редки) предпочтительней становится другой взгляд на историю русских определительных конструкций. Утвердившиеся в литературном языке относительные конструкции с постпозицией придаточного по отношению к антецеденту точно соответствуют ц.-сл. предложениям с местоимением *иже*. Вполне обоснованным поэтому следует считать предположение о том, что изменение позиции придаточного с относительным К-местоимением было вызвано структурным влиянием аналогичных ц.-сл. предложений (см., например: [Сумкина 1954: 187]).

В то же время в современных говорах и городском просторечии предложения архаического типа (*Который мальчик разбил стекло, тот давно убежал*) употребляются довольно широко [Собинникова 1958: 43, 148; Лаптева 1976: 301–303]. Конечно, и структуры с постпозицией придаточного не чужды теперь разговорной речи, но появились они, вероятнее всего, под влиянием литературного языка.

5. Сопоставление средств межфразовой связи в древнерусских текстах различных жанров с точки зрения выявления их генезиса необходимо проводить с одной оговоркой. Вообще говоря, означенные средства не могут быть едины для всех типов и жанров – для речи монологической и диалогической, для повествования и описания и т. п. В то же время диглоссийное распределение жанров древнего периода нашей словесности дает возможность сравнить, например, нарративный синтаксис церковнославянского типа с собственно русским лишь в той мере, в какой он отражен в устном фольклоре.

Как и в случае с синтаксисом сложного предложения, при изучении процессов развития межфразового синтаксиса необходимо исходить из допущения, что синтаксис текстов книжных стилей русского языка не мог не испытывать воздействие со стороны ц.-сл. языка. Следует, кроме того, учитывать принципиальное для исторического синтаксиса положение, согласно которому синтаксис полипредикативного высказывания и генетически, и в синхронно-дери-вационном плане определяется синтаксисом тек-

ста. Замечено, в частности, что в древнеписьменных текстах и в живой устной речи нет четкой границы между сложным предложением и сверхфразовым единством [Хабургаев 1974: 415].

В историческом синтаксисе традиционно рассматриваются два пути образования СП: объединение самостоятельных простых и развитие структуры простого предложения, в результате которого какой-либо из его членов получает «статус предикативности» [Поспелов 1950: 327]. Я. Бауэр приходит, однако, к выводу, который представляется справедливым и применительно к древнерусскому языку: «Мы обнаруживаем много явлений, свидетельствующих о первоначальной самостоятельности соединенных предложений, но не найдем ни одного убедительного свидетельства, показывающего, что какой-то тип сложного предложения возник в результате того, что определенный член предложения получил значение предложения» [Бауэр 1962: 93]. Отмечается, что в генезисе СП особую роль сыграли текстовые построения, названные «цепным нанизыванием предложений», внутри которых со временем образуются бинарные комплексы, кладущие начало различным типам СП [Ломтев 1956: 486; Стеценко 1960: 10; Коротаяева 1964: 19]. «Если определенные сочетания предложений в речевом акте повторялись более часто, то создавались условия для возникновения типа сложного предложения» [Бауэр 1962: 94].

Уместно, однако, поставить вопрос, почему это происходит, в силу каких причин некоторые предложения образуют устойчивые (воспроизводимые) парные объединения. Как паратактическая структура (со сверхсегментными показателями связи) сложное предложение, очевидно, «панхронично». Но если учитывать только сегментные показатели связи (будущие сочинительные союзы и гипотактические показатели) и выводить различные типы СП из построений «цепного нанизывания», то логично было бы говорить уже о третьем пути становления полипредикативных структур – об упрощении сверхсложных структур³.

На примере любого библейского текста трудно убедиться, что почти каждое самостоятельное высказывание (кроме первого) вводится начинательным союзом или его аналогом (так называемым межфразовым коннектором). Наиболее частотны в ц.-сл. текстах коннекторы *и*, *же*, а также *бо*, *ѿкъ* и *ѿбо* (они в позиции начинательного союза выражают и отношение обусловленности между смежными высказываниями). Коннектор *и*, как и омонимичный соч. союз, имеет соединительное (присоединительное) значение и формирует открытые структуры (ср.: *И рече бѣ:*

да вѣдетъ свѣтъ. И вѣсть свѣтъ. И вѣдѣ бѣ свѣтъ, ѿкъ добрѣ, и различї бѣ междѣ свѣтомъ и междѣ тмѣю. И нарече бѣ свѣтъ дѣнь, а тмѣ нарече нѣчь – Быт 1, 3–6).

Энклитика же и в функции межфразового союза, и в сложносочиненном предложении имеет сопоставительное или противительное значение (*И не ѿбѣйтеса ѿ бивающихъ тѣло, дѣши же не могущихъ ѿбѣити: ѿбѣйтеса же паче могоущагѣ и дѣшѣ и тѣло погубити въ геѣннѣ* – Мф 10, 28; *Слышасте, ѿкъ речено вѣсть дрѣвнимъ: не прелюбви сотвориши. Азъ же глаголю вамъ: ѿкъ всѣмъ, иже воззритъ на женѣ, во ѣже вожделѣти еѣ, ѿже любовѣйствова съ нею въ сѣрдцѣ своемъ* – Мф 5, 27 – 28). Сопоставительное значение коннектора же позволяет использовать его в роли своего рода «тематического модификатора», т. е. маркера некоторого поворота в повествовании (например, появления нового персонажа, новых обстоятельств, перехода к новым действиям и т. п.).

Между тем в живом русском языке функция маркера тематического поворота закреплена за межфразовым союзом *а* [Мишланов 1993], который использовался в этой роли с древнейших времен. Больше того, в древнерусской деловой письменности этот коннектор употреблялся как универсальный начинательный союз (т. е. и в присоединительной функции). Ср. примеры из Псковской судной грамоты XV в.:

ѿ которомъ посадникъ съести на посадниство, ино томъ посадникъ крестъ цѣлобати... а городскими кѣнами не корыстоватиса, а съдомъ не мститса ни на... ѿ князь и посадникъ на вѣчи съдѣ не съдѣтъ, съдѣти имъ ѣ князѣ на сѣнехъ... ѿ не вѣдѣтъ вправдѣ, ино богъ вѣди имъ съдѣа по второмъ пришествїи Христовѣ. ѿ тайныхъ посѣловъ не имати ни князю, ни посадникъ [Обнорский, Бархударов 1952: 206].

Сравнение способов и средств организации связного текста, представленных, с одной стороны, в древнерусских памятниках некнижных стилей и в современной разговорной речи, а с другой стороны, в ц.-сл. текстах, дает основания для вывода о том, что, по крайней мере, энклитика *же* и присоединительный союз *и* в функции межфразовых коннекторов, будучи общеславянскими средствами, утвердились в книжных стилях русского языка под церковнославянским влиянием. Стоит заметить в этой связи, что и в роли сочинительного союза частицу *же* логично рассматривать как след церковнославянского влияния.

Анализ старорусских текстов, тяготеющих к церковно-книжному типу языка, а также текстов

XVIII в. (когда ц.-сл. язык в светских литературных жанрах был замещен высоким «штилем» русского языка) довольно наглядно показывает, как формировался славяно-русский симбиоз в нарративном синтаксисе. Сопоставим в этом аспекте фрагменты повествовательных текстов из литературы XV–XVI вв. и из сочинений Феофана Прокоповича (полужирным шрифтом выделены межфразовые коннекторы и соч. союзы; подчеркнуты собственно русские средства выражения анафорических связей):

И по малѣ времени царю Беркѣ умрѣшу. Ордѣ мятуцися и искания отроку не бѣ [в Орде начались раздоры, и отрока никто не искал], крести сего отрока святыи владыка и нарече имя ему Петръ. **И** бѣ Петръ в учении господни по вся дни въ святилище у владыкы. **И** преставися святыи владыка Кирилъ, **и** погребоша его честно с пѣсньми; <...> Петр же, яко навиче у владыкы, молитвы плачевныа дневныа и ноцныа приносити къ Богу и непрестанного поста не оставаяся («Повесть о Петре, царевиче ордынском») [Памятники литературы Древней Руси 1984: 22].

Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бѣ самодержьствиюуи благовѣрный, яко повѣдашу, именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человеку дьявол всели неприязненаго летящаго змия к женѣ князя того на блуд. **И** являешся ей своими мечты [наваждением, волшебством], яко же бѣше и естеством; приходящим же людемъ являешся, яко же князь сам сѣдоше с женою своею. Тѣми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но повѣдаше князю, мужеву своему, вся ключающаяся ей... (Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских) [там же: 628, 630].

В Российских Европях некоторый живяше дворянин, имяше имя ему Иоанн, по малой фамилии Кариотской. Имел у себя сына Василия, лицом зело прекрасна. А оный дворянин [ц.-сл. дворянин же сей] в великую скудость прииде и не имяше у сябя пици. Во едино же время оный его сын рече отцу своему: «Государь мой батюшко! Прошу у тебя родительского благословения, изволь меня отпустить в службу... Выслушав же отец его **и** даде ему благословение, отпустя от себя. Василий же, взяв от отца своего благословение, прииде в Санктпетербурх и записался в морской флот в матросы. **И** отослали его на корабль по определению... **И** слава об нем велика прошла за его науку и услугу, понеже он знал в науках матросских вельми остро, по морям, где острова, и пучины морские... **И** за ту науку на кораблях старшим пребывал и от всех старших матросов в великой славе прославлялся.

<...> В Галандии учинили им квартиры, **и** поставлены были все младшие матросы по домам

купецким, **а** ему, Василию [ц.-сл. Василию же], за его услуги и за старшинство – к знатному и богатому гостю в дом поставили равно со шта-тами.

<...> Слышав же он, Василий, от него зело прослезился **и** любезно просился, чтоб его ко отцу в Россию отпустил взять благословление, и обратно быть. Видев же гость непреклонную его просьбу **и** просил его, чтоб он во Францию сходил с товарами **и** когда возвратится, то обещал его в дом отпустить, - по которому прошению [ц.-сл. **и** по тому прошению] он, Василий, не ослушался оного гостя, взяв корабли **и** убрався с товары **и** отыде во Францию...

<...> Тогда Василий вышел из судна **и** все имение выбрав **и** тем рыболовам дал едину суму злата, **и** они, рыболовы, той казне вельми были рады **и** обещались рыбы по морю не ловить **и** к тому острову разбойническому не ездить. А Василий нанял почтовое судно до Цесарицы, в которое убравшись **и** с королевною Ираклией, **и** поехали морем до Цесари (Феофан Прокопович. Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли) [Русская литература XVIII века 1970: 50, 51, 54].

Нетрудно заметить, как резко отличаются по языку сочинения Феофана Прокоповича от произведений XV–XVI вв., в которых лексика и грамматика (включая синтаксис текста) всецело церковнославянские. В тексте же «Гистории о российском матросе Василии Кориотском» на всех уровнях довольно наглядно представлена борьба русского и церковнославянского. Причем в оформлении анафорических связей, гипотактических конструкций, в выборе межфразовых коннекторов автор ориентируется более на собственно русские деривационные модели и средства, чем на церковнославянские. Так, подчинительные союзы и относительные слова представлены в основном К-местоименными скрепами (как вместо *яко*, *который* вместо *иже* и др.). Любопытно, что русские способы оформления анафорических отношений в последующей истории книжного синтаксиса не получили развития, уступив место моделям, характерным для церковнославянского текста.

Итак, в русском литературном языке церковнославянские корни имеет не только базовый слой книжной лексики (естественно, за вычетом заимствований из европейских языков), но и значительная часть явлений русского полипредикативного синтаксиса, а также основные средства и способы оформления межфразовых связей. Если принять во внимание, что вне книжной сферы общения (в город-

ском просторечии и в говорах) церковнославянизмы относительно немногочисленны, вполне логичным представляется вывод о сохранении в нашем коммуникативном пространстве, пусть и в неявном виде, славяно-русской диглоссии, характерной для всех предшествующих этапов развития русской словесности.

Примечания

¹ I-местоимения восходят к индоевропейскому корню *i-, *je-, K-местоимения (вопросительные, неопределенные и относительные) – к корню *k^wi-, k^wo- (см, в частности: [Мейе 1951: 351, 355; Семенин 1980: 220, 222]).

² Как известно, понятие таксиса получило широкое распространение после выхода в 1957 г. статьи Р. О. Якобсона [Якобсон 1972]. По синтаксическим основаниям таксис делят традиционно на зависимый и независимый. Независимый таксис выражается средствами полипредикативного синтаксиса (в старославянском в т. ч. конструкциями с оборотом «дат. самостоятельный»), что позволяет соотносить «в рамках целостного периода времени» [Теория функциональной грамматики 1987: 237] действия, выполняемые разными субъектами. Формальное ядро зависимого таксиса в русском языке представлено деепричастиями, а периферия – причастиями и девербативами (подробнее о таксисе и истории его изучения см.: [Храковский 2003; Семенова 2004]).

³ Ж. Одри в связи с этим пишет: «Сложное предложение не могло произойти в результате расширения простого предложения или посредством соединения нескольких последовательных простых предложений. Языковые структуры образуются не путем присоединения независимых элементов, случайно вступивших в контакт, а в ходе реорганизации, обновления существующих структур, и чаще всего в связи с сокращением этих структур... Причину происхождения сложного предложения следует искать или в перестройке структуры существовавшего ранее сложного предложения, или в сокращении структуры более высокого порядка, т. е. структуры текста» [Одри 1988: 109].

Список литературы

Бауэр Я. К вопросу о возникновении и развитии типов сложного предложения (на материале чешского языка) // Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Вып. 6. С. 89–111.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1963. 512 с.

Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопросы языкознания. 1956. № 1. С. 3–25.

Грамотки XVII – нач. XVIII века. М.: Наука, 1969. 415 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: АН СССР, 1949. 408 с.

Грузберг А. А. Частотный словарь русского языка второй пол. XVI – нач. XVII века. Пермь: ПГПИ, 1974. 462 с.

Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979. 459 с.

Корш Ф. Е. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877. 110 с.

Коротаева Э. И. Союзное подчинение в русском литературном языке 17 в. М.; Л.: Наука, 1964. 250 с.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971. 312 с.

Лантева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 399 с.

Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. 596 с.

Мейе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. лит., 1951. 492 с.

Мишланов В. А. Коннектор *a* в современных русских говорах // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1993. С. 134–143.

Мишланов В. А. О некоторых особенностях синтаксиса сказов Павла Бажова // Известия УрГУ. 2003. № 28. Гуманитарные науки. Вып. 6. Екатеринбург, 2003. С. 69–82.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1946. 199 с.

Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1952. Ч. 1. 415 с.

Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXI. С. 24–121.

Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Худож. лит., 1984. 768 с.

Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 321–337.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

Русская литература XVIII века / сост. Г. П. Макогоненко. Л.: Просвещение, 1970. 832 с.

Русское устье. Звучащая хрестоматия // Бюллетень Фонетического Фонда русского языка, приложение 14. Бохум – Москва, 2004.

Семенова Н. В. Таксис: история изучения и современное понимание // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 249–272.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Прогресс, 1980. 408 с.

Собинникова В. И. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского р-на Воронежской обл.). Воронеж: Изд. Воронеж. ун-та, 1958. 173 с.

Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненное предложение. М.: Наука, 1973. 358 с.

Стеценко А. Н. Сложноподчиненное предложение в русском языке 14–16 вв. Томск, 1960. 311 с.

Сумкина А. И. К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII веков // Труды Института языкознания АН СССР. 1954. Т. V. С. 139–202.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 347 с.

Толстой Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 81–90.

Унбегаун Б. О. Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971. С. 329–333.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.: Наука, 1972. 656 с.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 328 с.

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974. 432 с.

Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32–54.

Шapiro А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М.: АН СССР, 1953. 317 с.

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4-е. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95–113.

References

Bauer Ya. K voprosu o vzniknovenii i razvitiu tipov slozhnogo predlozheniya (na materiale cheshskogo yazyka) [To the question of the origin and development of types of a complex sentence (on the

basis of the Czech language)]. *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija* [Issues of Slavic linguistics]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1962, issue 6, pp. 89–111. (In Russ.)

Borkovskiy V. I., Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 512 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Voprosy obrazovaniya russkogo natsional'nogo literaturnogo yazyka* [The Questions of the formation of Russian national literary language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1956, issue 1, pp. 3–25. (In Russ.)

Gramotki 17 – nach. 18 veka [Epistolary texts of the 17th – early 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 415 p. (In Russ.)

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1949, issue 27. 408 p. (In Russ.)

Gruzberg A. A. *Chastotnyy slovar' russkogo yazyka vtoroy pol. 16 – nach. 17 veka* [The frequency dictionary of the Russian language of the second half of the 16th – the early 17th century]. Perm, Perm State Pedagogical Institute Press, 1974. 462 p. (In Russ.)

Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Slozhnoye predlozheniye [Historical grammar of the Russian language. Syntax. Compound sentence]. Moscow, 1979. 459 p. (In Russ.)

Korotaeva E. I. *Soyuznoye podchinenie v russkom literaturnom yazyke 17 v.* [Conjunctive subordination in the Russian literary language of the 17th century]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 250 p. (In Russ.)

Korsh F. E. *Sposoby otositel'nogo podchineniya. Glava iz sravnitel'nogo sintaksisa* [Mode of relative subordination. A chapter from comparative syntax]. Moscow, 1877. 110 p. (In Russ.)

Kuz'mina I. B., Nemchenko E. V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh* [Syntax of participle forms in Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 312 p. (In Russ.)

Lapteva O. A. *Russkiy razgovornyy sintaksis* [Russian colloquial syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 399 p. (In Russ.)

Lomtev T. P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka* [Essays on the historical syntax of the Russian language]. Moscow, Moscow State University Press, 1956. 596 p. (In Russ.)

Meillet A. *Obshchoslavyanskiy yazyk* [Common Slavonic language]. Moscow, Izd. inostrannoy literatury Publ., 1951. 492 p. (In Russ.)

Mishlanov V. A. *Konnektor a v sovremennykh russkikh govorakh* [Connector *a* in modern Russian dialects]. *Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikam'ya* [Living word in the Russian speech of the Prikamye]. Perm, 1993, pp. 134–143. (In Russ.)

Mishlanov V. A. O nekotorykh osobennostyakh sintaksisa skazov Pavla Bazhova [On some features of the syntax of Pavel Bazhov's tales]. *Izvestiya UrGU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2003, issue 28, pp. 69–82. (In Russ.)

Obnorskiy S. P. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda* [Essays on the history of the Russian literary language of the older period]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1946. 199 p. (In Russ.)

Obnorskiy S. P., Barkhudarov S. G. *Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka* [Reader on the history of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1952, pt. 1. 415 p. (In Russ.)

Odri Zh. Indoevropeskiy yazyk [The Indo-European language]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moscow, Progress Publ., 1988, issue 21, pp. 24–121. (In Russ.)

Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets 15 – pervaya polovina 16 veka [Monuments of Ancient Russia literature. The end of the 15th – the first half of the 16th century]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1984. 768 p. (In Russ.)

Pospelov N. S. O grammaticheskoy prirode slozhnogo predlozheniya [On the grammatical nature of a compound sentence]. *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Issues of the syntax of the modern Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1950, pp. 321–337. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From notes on Russian grammar]. Moscow, Uchedgiz Publ., vol. 1–2, 1958. 536 p. (In Russ.)

Russkaya literatura 18 veka [Russian literature of the 18th century]. Ed. by G. P. Makogonenko. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1970. 832 p. (In Russ.)

Russkoe ust'e. Zvuchashchaya khrestomatiya [Sounding reader]. *Byulleten' Foneticheskogo Fonda russkogo yazyka. Prilozhenie 14* [Bulletin of the Phonetic Fund of Russian Language]. Bochum – Moscow, 2004. (In Russ.)

Semenova N. V. Taksis: istoriya izucheniya i sovremennoe ponimanie [Taxis: history of studying and modern understanding]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2004, issue 1, pp. 249–272. (In Russ.)

Szemerényi O. *Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie* [Introduction to comparative linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1980. 408 p. (In Russ.)

Sobinnikova V. I. *Stroenie slozhnogo predlozheniya v narodnykh govorkakh (po materialam govorov Gremyachenskogo r-na Voronezhskoy obl.* [The structure of a compound sentence in folk dialects (based on the dialects of the Gremyachy district of the Voronezh region)]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1958. 173 p. (In Russ.)

Sravnitel'no-istoricheskiy sintaksis vostochnoslavjanskikh yazykov. Slozhnopodchinennoe predlozhenie [Comparative-historical syntax of the East

Slavic languages. Compound sentence]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 358 p. (In Russ.)

Stetsenko A.N. *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v russkom yazyke 14–16 vv.* [Compound sentence in the Russian language of the 14th–16th centuries]. Tomsk, 1960. 311 p. (In Russ.)

Sumkina A. I. K istorii odnositel'nogo podchineniya v russkom yazyke 13–17 vekov [To the history of relative subordination in the Russian language of the 13th–17th centuries]. *Trudy Instituta yazykoznanija AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences]. 1954, vol. 5, pp. 139–202. (In Russ.)

Teoriya funkcional'noy grammatiki: Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis [Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 347 p. (In Russ.)

Tolstoy N. I. Tserkovnoslavjanskiy i russkiy: ikh sootnoshenie i simbioz [Church Slavonic and Russian: their correlation and symbiosis]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2002, issue 1, pp. 81–90. (In Russ.)

Unbegaun B. O. Russkiy literaturnyy yazyk: problemy i zadachi ego izucheniya [Russian literary language: problems and objectives of its study]. *Poetika i stilistika russkoy literatury: Pamyati akad. V. V. Vinogradova* [Poetics and stylistics of Russian Literature: In memory of acad. V. V. Vinogradov]. Leningrad, 1971, pp. 329–333. (In Russ.)

Filin F. P. *Proiskhozhdeniye russkogo, ukrain-skogo i belorusskogo yazykov* [The origin of Russian, Ukrainian and Belarusian languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 656 p. (In Russ.)

Filin F. P. *Istoki i sud'by russkogo literaturnogo yazyka* [The origins and destinies of the Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 328 p. (In Russ.)

Khamburgaev G. A. *Staroslavjanskiy yazyk* [Old Slavonic language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1974. 432 p. (In Russ.)

Khrakovskiy V.S. Kategoriya taksisa (obshchaya kharakteristika) [Taxis category (general characteristic)]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2003, issue 2, pp. 32–54. (In Russ.)

Shapiro A. B. *Ocherki po sintaksisu russkikh narodnykh govorov* [Essays on the syntax of Russian folk dialects]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ. 1953. 317 p. (In Russ.)

Shakhmatov A. A. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Essay on the contemporary Russian literary language]. 4th edition. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1941. 288 p. (In Russ.)

Jakobson R. O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol [Shifters, verb categories and the Russian verb]. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of the typological analysis of languages of different structures]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 95–113. (In Russ.)

**ON THE SYMBIOSIS OF THE RUSSIAN
AND CHURCH SLAVONIC COMPONENTS
IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SYNTAX**

Valery A. Mishlanov

**Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. vmishlanov@yandex.ru

SPIN-code: 3114-9260

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0417-8255>

ResearcherID: K-6061-2018

Submitted 04.12.2018

The article again raises the key question of Russian philology about the correlation between the genetically Russian and Church Slavonic components in the literary language. Noting that the problem of identifying the Church Slavonic elements in the syntax of the literary styles of the Russian language is still not resolved, the author substantiates the opinion about the Church Slavonic nature of a considerable part of the polypredicative syntax phenomena. In particular, new arguments are presented for the hypothesis that relative constructions with the postposition of the subordinate clause are formed in the literary styles of the Russian language under the structural influence of constructions with the pronoun *ѣже*; an assumption is made that complex sentences with the conjunction *когда*, which replaced the Church Slavonic conjunction *ѣгда* in the old Russian period, are also syntactic copies of the Church Slavonic language; the hypothesis of the Church Slavonic nature of the participle phrases assimilated by the Russian literary language in their original (taxis) function is substantiated, which allows us to make a conclusion about the Church Slavonic roots of the core of the functional-semantic field of taxis in the Russian literary language. Solving the problem of the origin of the interphase connection means in narrative texts, the author proceeds from the belief that the narrative syntax of the literary styles of the Russian language was affected by the language of the Slavic Bible. The article provides arguments, in particular, for the assumption that the enclitic “же” and conjunction “и” in the function of interphase connectors were established in the literary styles of the Russian language under the Church Slavonic influence. All this allows us to conclude that the polypredicative syntax of the Russian literary language largely preserves the Church Slavonic basis. Therefore, the situation of the Slavonic – Russian diglossia, which is typical of all previous stages of the Russian language history, remains in place, albeit in a transformed form.

Key words: Slavonic and Russian diglossia; the Russian language historical syntax; compound sentence syntax; taxis; text syntax.